

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.43>

Роголёва Елена Ивановна

**ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ (А КТО ЗНАЕТ? ПУШКИН?)**

В статье представлена авторская концепция лексикографической разработки фразеологизмов с прецедентными антропонимами в учебном словаре. На примере фразеологизма с компонентом "Пушкин" показаны возможности репрезентации спорных этимологических версий с опорой на принципы научности и доступности. Обосновывается целесообразность двухчастности этимологического гипертекста. Рассматриваются текстоорганизующие и собственно этимологизирующие приемы словарного описания пушкин-вопросов. Приводятся фрагменты словарной статьи, разработанной с использованием инновационных квест-технологий применительно к лексикографическому тексту. Подчеркивается практическая значимость словаря как лингвокультурологически ценного средства обучения школьников русскому языку.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 207-211. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 07.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.43>

В статье представлена авторская концепция лексикографической разработки фразеологизмов с прецедентными антропонимами в учебном словаре. На примере фразеологизма с компонентом «Пушкин» показаны возможности репрезентации спорных этимологических версий с опорой на принципы научности и доступности. Обосновывается целесообразность двухчастности этимологического гипертекста. Рассматриваются текстоорганизующие и собственно этимологизирующие приемы словарного описания пушкин-вопросов. Приводятся фрагменты словарной статьи, разработанной с использованием инновационных квест-технологий применительно к лексикографическому тексту. Подчеркивается практическая значимость словаря как лингвокультурологически ценного средства обучения школьников русскому языку.

Ключевые слова и фразы: учебная фразеография; пушкин-вопросы; пушкин-утверждения; словарь-квест; онимический фантом; этимологическая парафраза; механизм фразеомобразования; фразеографические приемы; словарная статья.

Роголёва Елена Ивановна, д. филол. н., доцент
Исковский государственный университет
cambala2007@yandex.ru

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ (А КТО ЗНАЕТ? ПУШКИН?)

В сознании русского человека Александр Сергеевич Пушкин – не только великий поэт и основоположник русского литературного языка. «Пушкин – чудо России. Он единственный воистину любимый. Русские не всегда любят своих героев. Но вот есть на Руси и исключение. Есть и для нас *Некто*, кому мы поклоняемся и знаем, что должны поклоняться, и если кто не понимает, не чувствует, не может постигнуть величия этого “поклоняемого”, тот берет его как догмат» [10, с. 59].

Поэтому неудивительно, что А. С. Пушкин – персонаж добрых остроумных анекдотов, прибауток, загадок. Его имя мы встречаем и в образной структуре фразеологизмов, которые являются клишированными речевыми формулами, имеющими в плане содержания отсылку к ситуации общения и относящимися по классификации А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского к речевым формулам вопроса и к формулам ответа [2], которые применительно к нашему материалу (Записи живой речи 2016-2019 гг.) мы квалифицируем как пушкин-утверждения и пушкин-вопросы:

1. *Пусть Пушкин...* (делать что-л.): *пусть Пушкин на вашем собрании сидит; пусть Пушкин твои запросы оплачивает /отказ сделать что-л./* (Запись 2018 г.).
2. *А кто будет...* (делать что-л.), *Пушкин (Александр Сергеевич)?: А кто будет платить, Пушкин?; А кто будет посуду мыть, Александр Сергеевич?; /призыв сделать что-л./* (Запись 2016 г.).
3. *Что я, Пушкин...* (делать что-л.): *Что я, Пушкин, четыре пары сидеть?! Что я, Пушкин, каждую неделю газету рисовать?! /отказ, как правило, от какой-л. интеллектуальной деятельности, непосильной творческой работы/* (Запись 2018 г.).
4. *А кто знает? Пушкин?: – Что такое деепричастный оборот? – Не знаю. – А кто знает? Пушкин? /шутливый упрек тому, кто вместо ответа на вопрос говорит: «Я не знаю»/* (Запись 2019 г.).

Эти фразеологизмы, обладающие значительным лингвокультурологическим потенциалом благодаря использованию прецедентного антропонима, не находят отражения в современных фразеологических словарях. В связи с этим проблема их историко-этимологического описания и лексикографической интерпретации определяет **актуальность** данной статьи.

Цель данной работы – представить концепцию познавательного-игрового фразеологического словаря в рассказах для детей посредством решения следующих **задач**: обобщение результатов исследования лингвистами антропонима *Пушкин*, выявление его культурного потенциала; разработка приемов репрезентации этого потенциала читателю словаря; определение роли антропонима *Пушкин* в акте фразеомобразования и способов лексикографического описания этого процесса; описание системы занимательных заданий для разных уровней и этапов квеста, направленных на расширение культурного кругозора читателя и освоение им истории происхождения фразеологизма.

Репрезентация в статье инновационных текстоорганизующих и собственно этимологизирующих лексикографических приемов определяет ее **научную новизну**.

Методологическую базу представленного в статье исследования составили: историко-этимологический анализ, семантический и лингвокультурологический анализ лексического и фразеологического материала, авторский метод этимологического парафразирования, приемы квест-технологии, адаптированные к лексикографической практике.

Представим результаты, полученные в ходе исследования, проведенного с использованием данных методов и приемов.

Начало изучения лингвистами антропонима *Пушкин* в перечисленных фразеологизмах положили исследования в области сленговой фразеологии [4-6].

Так, в «Словаре русского арго» [6, с. 387] значение слова *Пушкин* определяется как «неизвестно кто; бог его знает, кто» [Там же]. В заголовочную часть словарной статьи включается фразеологизм *А кто платить будет, Пушкин?* с заголовочным словом в данном значении.

Н. В. Васильева, изучая функционирование имен собственных в различных текстах [4; 5], относит имя *Пушкин* к «онимическим фантомам», живущим в русском сленге в клишированных (лексически или синтаксически) выражениях (риторический вопрос, приветствие, фразеологизмы, пустословицы) и представленных преимущественно именами историческими [5, с. 187]. В данных клишированных выражениях имя *Пушкин* представляет собой риторическое расширение вопроса, его прагматическое усиление.

М. Л. Ковшова также считает, что имя А. С. Пушкина используется для усиления экспрессии в риторическом вопросе, где иронический оттенок усиливается из-за несовместимости предлагаемых дел и образа, к которому косвенно апеллирует говорящий [7, с. 312].

По мнению Н. В. Васильевой, онимический фантом *Пушкин*, выполняя в дискурсе функцию коммуникативно-модального триггера, формирует коммуникативно-прагматический сдвиг от простого запроса об актанте к жесткой модальности долженствования. В этой связи автор пишет: «Если рассмотреть обычный вопрос, без “довеска” *Пушкин*, например, *А кто мусор выносить будет?* (вопрос, уместный при распределении поручений), то это запрос об актанте: вопрос задается, чтобы выбрать кого-то из участников ситуации. При добавлении слова *Пушкин* – вследствие невозможности выбора данного актанта – в вопросе появляется модальность долженствования: надо мусор выносить, надо платить, надо уроки делать (остальные оттенки подскажет ситуация)» [4, с. 243].

Модальность долженствования находит свое отражение в заголовочной зоне словарной статьи «А кто знает? Пушкин?» в новом учебном фразеологическом словаре в рассказах, подготовленном к печати в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета.

Данная зона выделяется рамкой и объединяет несколько лексикографических параметров: фразеологизм-вокабулу, дефиницию, эмотивно-оценочные и функционально-коммуникативные комментарии:

А КТО ЗНАЕТ? ПУШКИН?

Почему ты этого не знаешь? Ты должен это знать!

Шутливый упрек тому, кто вместо ответа на вопрос говорит: «Я не знаю».

Употребляется в разговорной речи.

После заголовочной зоны согласно авторской фразеологической концепции следует этимологический интерактивный гипертекст, который условно можно разделить на две части. Первая сконструирована посредством текстоорганизующих приёмов словарного описания фразеологизмов, и в ней раскрывается культурологическое содержание прецедентного антропонима *Пушкин*. Во второй части с помощью специального собственно этимологизирующего лексикографического приема – парафразы – раскрывается механизм образования фразеологизма *А кто знает? Пушкин?*

Реальная лексикографическая практика конструирования первой части этимологической парафразы, ориентированной на читателя-ребенка, потребовала уточнения семантического статуса и мотивационного потенциала онимического фантома *Пушкин* как фразеолообразующего стержня.

По мнению Н. В. Васильевой, любые имена-фантомы, в том числе и *Пушкин*, предстают в виде пустых словесных оболочек, за которыми не скрывается ни денотат, ни набор семантических признаков, они употребляются нереферентно и в принципе лишены коннотации [4, с. 243].

В. Айрапетян пишет о том, что фольклорное, простонародное «иначенье» Пушкина в данных выражениях ставится в противоположность высокому «иначенью» у писателей, где «Пушкин – наше всё» [1, с. 41].

Напротив, М. Л. Ковшова считает, что использование онима *Пушкин* в данном случае обуславливают его культурные коннотации: выбор объясняется значимостью персоны в истории, имя *Пушкин* – эталон всего ценного в русской культуре, чему и «обязано» употребление имени всеу [8, с. 256].

Именно данный подход мы учли в процессе лексикографической разработки первой части этимологического гипертекста *А кто знает? Пушкин?*

Данная статья является первой в представляемом словаре в рассказах, где этимологизация фразеологизма реализуется в рамках игровых моделей текста [12] с использованием, в частности, такого текстоорганизующего приема, как «авторитетный рассказчик».

Словарь написан в жанре квеста, где в каждой словарной статье маленький читатель приходит к выводу о развитии фразеологического значения, выполняя определенные задания и преодолевая различные препятствия вместе с авторами и персонажами-рассказчиками (имена рассказчиков фразеологических историй: инженер Сантиметренко, братья-кондитеры Сгущёнкины, историк Раскопкин и др. с семантически обогащённой, «говорящей формой»).

Интрига словарной статьи «А кто знает? Пушкин?» заключается в том, что ребенок вместе с авторами оказывается на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском, где в поисках первого рассказчика («Это первая статья нашего словаря и первый этап нашего фразеологического квеста, который начинается в Пушкинских горах, и где-то здесь нас должен дожидаться наш первый рассказчик...») не только знакомится со всеми персонажами словаря, но и осмысливает величие А. С. Пушкина как поэта и основоположника русского литературного языка, его значимость для мировой культуры.

Приведем лишь один фрагмент данной словарной статьи:

«Возвращаемся на Пушкинский праздник. Невольно возникает вопрос: каким же надо было быть человеком, чтобы так отмечали твой день рождения спустя 220 лет? Ответ очевиден: надо быть Пушкиным!

Сотни людей собрались сегодня в Михайловском. Они приехали из самых разных уголков России и не только. Вот венгры – они живут в центре своей столицы – Будапешта на улице Пушкина, и почти в каждом венгерском городе есть улица Пушкина. Вот эстонцы – они изучают русский язык в Таллине, в Институте Пушкина. Группа из Эфиопии (оттуда родом и предки Пушкина) – они считают себя земляками великого поэта, а в столице Эфиопии с гордостью показывают гостям памятник Пушкину с надписью “Нашему поэту”. В 45 странах мира установлены памятники Пушкину. Его стихи переведены на 200 языков.

Словацкая журналистка Милослава Нещпалова готовит для своей газеты репортаж с Пушкинского праздника. Гости Михайловского отвечают на ее вопрос: “Пушкин – что для вас означает это имя?”.

– Величайший поэт! – Гений! – Любимые сказки! – Россия! – Солнце русской поэзии! – Наше всё! – Томик стихов! – Русская душа, русский язык! – Золотая рыбка (так ответила Оленька Михайлова, совсем маленькая девочка, которая еще не умеет читать).

Да-да, Пушкин входит в нашу жизнь в детстве и остается с нами до конца. Оленькин дедушка вспомнил слова поэта Игоря Северянина:

– Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном, в любые времена!..».

Затем читателю предлагается рефлексивный вопрос:

«А что бы ты ответил иностранной журналистке? ...»

Далее в первой части словарной статьи посредством текстоорганизующих приемов «персонажной путаницы» и «секретного персонажа» продолжается знакомство с личностью поэта.

Во второй части словарной статьи раскрывается механизм фразеомобразования пушкин-вопроса *А кто знает? Пушкин?*

В. Айрапетян рассуждает о том, что фразеологизмы типа *А кто знает? Пушкин?* и *А кто будет* (делать что)? *Пушкин?* являются «ярчайшим примером прономинализации имени собственного» [1, с. 145] и вместе с анекдотами из жизни Пушкина примыкают к фольклорной Пушкиниане. Автор считает, что в данных пушкин-фразеологизмах используется правило «если никто, то Пушкин», отражающее герменевтические модели «если никто, то иной», «если никто, то сам», которые переключаются с оборотами типа *Бог ведает (знает)* или *чёрт знает* [Там же, с. 5].

Изложение данного подхода В. Айрапетяна составляет этимологическую версию фразеологизма *А кто знает? Пушкин?* в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» [3, с. 583].

По мнению Е. Г. Рабинович, выражения с компонентом *Пушкин* очевидным образом относятся к тому же типу, что и выражения «ишь, граф!», «тоже мне граф!», «граф выискался!». Полагая, что в тех и других выражениях конкретно-исторический контекст устарел, автор задается целью «найти контекст Пушкина и ответить, наконец, на вопрос “почему Пушкин?”» [11].

Проведя серию опросов, Е. Г. Рабинович приходит к выводу, что похожие выражения использовались в Смоленске («А лампочку, стало быть, Глинка с Блонья вывинтил?»), где *Глинка с Блонья* – памятник великому композитору в парке Блонье, установленный в 1885 году, а также в Одессе («А за квартиру Дюк заплатит?»), где *Дюк* – памятник губернатору города дюку (герцогу) де Ришельё, установленный в 1828 году.

В связи с этим Е. Г. Рабинович делает заключение, что происхождение пушкин-вопросов связано с памятником А. С. Пушкина в Москве (скульптор А. М. Опекушин), торжественно открытым на Тверском бульваре в 1880 году: «...отсюда можно сделать единственный вывод: “Пушкин” из выражений с Пушкиным – это не поэт Пушкин, а памятник. Разумеется, Пушкину» [Там же].

Объясняя, почему именно памятники вошли в состав таких выражений, Е. Г. Рабинович пишет: «Выражения “с памятником” имеют своим почти полным аналогом широко распространённые выражения “с дядей”. Абсолютно во всех случаях *Пушкин*, или *Глинка с Блонья*, ли *Дюк* могут быть заменены “дядей”. “Будешь баловаться – дяде отдам!”, хотя рядом может и не быть никакого незнакомого взрослого мужчины. Дядя в ипостаси такого вот чужака – житель иного мира, поэтому он может не только утащить неведомо куда непослушного ребенка, он может и выступить волшебным помощником, “добрым дядей”, о котором тоже все слышали, хотя помощь эта маловероятна, так что “на дядю надеяться” не надо (“*Ты чего к контрольной не готовишься? На дядю надеешься?*”»)» [Там же].

Так, в ходе народно-этимологических разысканий Е. Г. Рабинович всё-таки выявляет фразеологическую модель, на основе которой построены пушкин-фразеологизмы. (Вслед за В. М. Мокиенко, мы понимаем фразеологическую модель как структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематично отражающих относительную стабильность их формы и семантики [9, с. 53].)

Обобщая результаты этимологических исследований и культурно значимую информацию популярных «околоэтимологических» версий, мы представляем ребенку в доступной форме историю происхождения пушкин-вопросов в двух блоках словарного текста: этимологической парафразе и рубрике «Интересные факты».

Приведем фрагмент этимологической парафразы:

«В разговорной речи мы часто слышим фразы, которые ученые-языковеды называют “Пушкин-вопросами”:

А посуду мыть кто будет? Пушкин?

А за хлебом кто пойдет? Пушкин?

Не знаешь? А кто знает? Пушкин?

Вот еще более полный вариант: *А уроки за тебя кто будет делать? Пушкин?* За тебя – вот в чем суть. Человека упрекают, что он бездействует и будто бы надеется: может, кто-то другой выполнит его работу, узнает, выучит за него что-то.

Такие “Пушкин-вопросы” стали популярными в первой половине XX века, когда стихи А. С. Пушкина стали часто звучать по радио, начали печататься большими тиражами. Очень скоро в сознании русского человека Александр Сергеевич стал не только великим поэтом, но и настоящим народным героем, любимым персонажем добрых остроумных анекдотов, прибауток, загадок. Так появились и “Пушкин-вопросы”. Но появились они не на пустом месте. Желание переложить на другого свою работу давно уже было отражено во фразеологии. *Ты на дядю надеешься?* – спрашивали человека, который рассчитывал, что дело сделает кто-то другой или оно делается само собой. А вот такие фразы ничего тебе не напоминают? Просто какие-то “дядя-вопросы”! –

А постель заправлять кто будет, дядя?

А платить кто будет? Дядя?

Не знаешь? А кто знает, дядя?

А если вместо неизвестного дяди упомянуть великого поэта – это же совсем другой, более комичный образ: ты ждешь, что Пушкин заправит твою постель? Поможет вместо тебя посуду? Пушкин знает, где твои носки или что тебе задано по русскому языку? И более очевидным становится ответ: Конечно, нет! Ты сам должен все это делать и знать...».

Далее следует рубрика «Интересные факты»:

«Говорят, что первые “Пушкин-вопросы” появились в Одессе. Что ж, вполне возможно. Одесситы – люди веселые. Писатели, которые начали употреблять эти фразеологизмы в своих произведениях, были как раз одесситами или долго жили в Одессе – И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша. К тому же один из любимых городских объектов здесь – это памятник Пушкину, который многим и видится как фразеологический образ...».

Знакомство с историей происхождения фразеологизма закачивается выводом о развитии фразеологического значения:

«Вот теперь история происхождения фразеологизма раскрыта, второй уровень его освоения пройден, и мы готовы двигаться дальше, но прежде прочитай вывод:

Итак, фразеологизм *А кто знает? Пушкин?* возник на базе народных выражений, осуждающих человека, который надеется, что кто-то другой выполнит его работу, будет знать то, что должен знать он сам. Имя Пушкина в составе оборота создает смеховой эффект, усиливает иронию – ведь кто-то, якобы, хочет переложить на великого поэта свои обязанности знать, помнить что-либо...».

Такова историко-этимологическая лексикографическая интерпретация популярного фразеологизма с компонентом-антропонимом в подготовленном к печати словаре, реализующем концепцию фразеографических пособий интерактивного типа для младших школьников [13]. Формат словаря в рассказах с использованием квест-технологии позволяет юному читателю не только глубже проникнуть в «тайны» происхождения фразеологизмов, которые он раскрывает в ходе выполнения занимательных заданий на разных уровнях и этапах квеста, но и осмыслить культурный потенциал precedentного имени собственного, увидеть его роль в актах фразеоморфирования и языковой игры, а также расширить свой кругозор сведениями из той сферы культуры и истории страны, к которой относится precedentное имя.

Все материалы данного словаря успешно апробированы в школах Пскова и Псковской области, в русских школах Эстонии и могут быть использованы в практике подготовки бакалавров и магистрантов филологических и педагогических специальностей.

Список источников

1. Айрапетян В. Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски. М.: Языки славянской культуры, 2001. 484 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.
4. Васильева Н. В. О трансформации онимов в дискурсе: онимические фантомы // Экология языка и речи: материалы V Международной конференции / отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 243-245.
5. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста: интегративный подход: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 236 с.
6. Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
8. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1980. 207 с.
10. Пушкин – чудо России // Наше наследие. 2012. № 101. С. 58-60.
11. Рабинович Е. Г. Пушкин как элемент экспрессивной лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/496/38496/16294> (дата обращения: 28.10.2019).
12. Роголёва Е. И. Игровое ономастическое пространство лексикографического проекта для детей «Весёлые фразеологические истории» // Герценовские чтения. Начальное образование. 2016. Т. 7. № 1. С. 167-171.
13. Роголёва Е. И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ЛОГОС Плюс, 2014. 344 с.

**HISTORICAL-ETYMOLOGICAL LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATION
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ANTHROPONYM
("AND WHO KNOWS? PUSHKIN?")**

Rogaleva Elena Ivanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pskov State University
cambala2007@yandex.ru

The article introduces the author's conception of lexicographical representation of phraseological units with precedent anthroponyms in an educational dictionary. By the example of the phraseological unit with the component 'Pushkin', the author shows possible representations of debatable etymological variants taking into account the principles of scientificity and accessibility. Reasonability of the two-component structure of etymological hypertext is justified. Text-formative and properly etymological techniques of lexicographical description of Pushkin-questions are examined. The fragments of a dictionary entry compiled on the basis of innovative quest-technologies are provided. The linguo-culturological value of the dictionary as an efficient means of the Russian language teaching is emphasized.

Key words and phrases: educational phraseography; Pushkin-questions; Pushkin-statements; dictionary-quest; onymic phantom; etymological periphrasis; phraseme-formative mechanism; phraseographic techniques; dictionary entry.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 03.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.44>

В статье рассматривается проблема функционирования обращения в парламентском дискурсе. Цель исследования – обозначить особенности функционирования обращения в институциональном политическом дискурсе с точки зрения реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации. Автор описывает наиболее частотные обращения в дискурсе Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации и при помощи метода прагматической интерпретации определяет их способность выступать в качестве основы для построения специфической митигативной тактики расширения поля адресации в потенциально конфликтных ситуациях.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; институциональное общение; парламентский дискурс; Федеральное Собрание РФ; митигация; обращение.

Труханова Дарья Сергеевна

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
trukhanova.dasha@yandex.ru

**МИТИГАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЯ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Проникающая во все сферы жизни, политическая коммуникация изучается специалистами разных гуманитарных дисциплин, в том числе лингвистами. **Актуальность** нашей работы определяется диспропорциями и лакунами в существующих исследованиях политического дискурса: на русскоязычный парламентский дискурс (далее – ПД) обращается недостаточно внимания [6], хотя ПД по многим основаниям может считаться вершиной политической коммуникации, относясь к ядру политического дискурса, то есть институциональному политическому дискурсу [25]. Под последним мы понимаем **применение языка политиками в сфере институциональной коммуникации с целью реализации институциональных функций и функции борьбы за власть**. Изучая русскоязычный ПД, а именно дискурс Федерального Собрания, состоящего из дискурсов верхней и нижней палат (Государственной Думы (далее – ГД) и Совета Федерации (далее – СФ)), учёные в качестве основного исследовательского материала выбирают дискурс ГД, описывая его компаративно (С. Б. Верещагин, Е. Г. Желудкова, А. С. Константинова, Л. С. Полякова и др.). Также внимание учёных привлекает дискурс ГД эпохи перемен (А. Н. Баранов, С. И. Виноградов, Д. Ю. Гатин и др.) и первой Думы (С. А. Громько, П. Б. Царьков и др.). Вместе с тем стратегемно-тактические особенности современного ПД, способы их вербализации представляют интерес для лингвистического анализа.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что институциональные ПД анализируются с точки зрения реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации, чему ранее исследователи практически не уделяли внимание. Иерархическая структура и функции ПД (законодательная, представительская, контролирующая, функция борьбы за власть, а также сохранение и распространение последней), условная открытость для массового адресата, специфика молодого российского парламентаризма (сильная президентская власть, особенности взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти [3]) актуализируют безопасные для агентов (депутатов/сенаторов) и контрагентов (должностные и прочие лица, принимающие участие в заседании ГД/СФ) способы говорения, что позволяет сохранять обеим сторонам личный авторитет,